И. И. МЕЩАНИНОВ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Содержание, вкладываемое мною в понятие «синтаксическая группа», лишь частично сближается с тем, которое придается Ш. Балли понятию «синтагма»¹. Последняя, по его словам, обязательно состоит из двух элементов — из темы и повода. Под темой имеется в виду то, «о чем говорят», а то, «что об этом говорят», составляет «повод или (в широком смысле) предикат». «Член же, представляющий собой причину повода, является темой или (в широком смысле) субъектом, что соответствует всякому высказыванию, логически состоящему из двух членов. Наличие в синтагме субъекта и предиката обращает ее в предложение. Такая синтагма, по устанавливаемой Ш. Балли схеме, является полной. Ей противопоставляется редуцированная (частичная) синтагма, в которой «тему принято заменять определяемым, а повод — определяющим» (§§ 154—155). Полная синтагма, по словам Ш. Балли, «представляет собою, естественно, предложение, а частичная синтагма — часть предложения» (§ 161).

Рассматриваемые в таком виде синтагматические отношения исключают соединение и происходящие от него сочетания [два или несколько членов, соединенные по способу сочинения в одном предложении (например, в форме перечисления или противопоставления), считаются за один член]. Ш. Балли отмечает, что «грамматический субъект и предикат только случайно совпадают с психологическим субъектом и предикатом. В связанном предложении тема и повод определяются либо исходя из ситуации и контекста, либо из характера выраженной мысли» (§ 105).

Ш. Балли вводит сокращенные обозначения используемых им понятий. Тема (субъект) отмечается буквой А, повод (предикат) передается буквой Z. «Любая совокупность знаков, отвечающая формуле AZ, называется синтагмой; следовательно, синтагмой являются как предложение, так и любая большая или меньшая группа знаков, которую можно свести к форме предложения» (§ 155).

Ш. Балли приводит материал из различных языков, из которого видно, что недостающий член моноремы, соответствующий значению субъекта, может передаваться своим собственным грамматическим оформлением такой моноремы [например, *ato, amas, amat* (§ 190, прим.)]. Привлеченный материал позволяет прийти к выводу о том, что в подобных вербальных построениях имеется понятие субъекта высказывания. Оно, в особенности в первых двух лицах, устанавливается с достаточной точностью. Субъект при этом не воспроизводится, а выражается определенной грамматической формой, в данном случае окончанием лица, что и дает требуемую Ш. Балли формулу AZ, необходимую для синтагмы. При единичном использовании таких глаголов подлежащее отсутствует. Следовательно,

¹ См. Ch. Bally, *Linguistique générale et linguistique française*, Paris, 1932. Ссылки на этот труд делаются по 3-му изданию (Berne, 1950; см. русск. перевод — Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1955).

субъект может быть передан не только им одним. Подлежащим, при таком понимании субъекта, оказывается не всякое его выражение, а лишь такое, которое выступает отдельным членом предложения при диремном построении предикативной синтагмы.

Ссылаясь на индоевропейские, семитические и многие другие языки, Ш. Балли приходит к утверждению о «спребывании субъекта в составе глагола или, другими словами, о невозможности употребления глагола без его субъекта» (§ 190, прим.). Делая вывод о невозможности употребления глагола без его субъекта не противоречат и те языки, в которых глагол не изменяется по лицам (ср. лезгинский, аварский и ряд других). Если субъект отсутствует в составе самой глагольной формы, неизменяемой по лицам, то все же предикативное содержание глагола связывается тут с субъектом, поставленным вне глагола. Полнота субъектного выражения выступает здесь в синтагме, передаваемой диремой. Следовательно, вопрос сводится не к построению одного только глагола, а к выражению субъектно-предикативных отношений. Связь предиката с субъектом сохраняется и в диреме, и в указанной монореме (*amo, amas, amat*).

Приведенное выше утверждение о тесной связи глагола с субъектом Ш. Балли расширяет признанием невозможности употребления предиката без его субъекта и, обратно, субъекта без его предиката. Оба эти элемента синтагмы выступают как в спрягаемом по лицам глаголе, так и в двучленной предикативной синтаксической группе и даже в одночленной монореме (§ 155). Ш. Балли имеет в виду элементы высказывания, передающие отношения, «обнаруживаемые во всех типах синтагм». Те же два элемента выступают также при передаче субъекта и предиката упомянутыми глаголами.

Французское соответствие латинскому *amo (j'aime)* признается Ш. Балли единой глагольной формой, а не сочетанием знаменательных слов. И *j'aime*, и *amo* оказываются моноремой, но эти же формы отвечают формуле AZ, т. е. предикативной синтагме. Значит, такая синтагма обусловлена наличием субъектно-предикативного выражения, которое может быть передано также и одним словом. Между тем Ш. Балли в описании современного строя французского языка утверждает, что в нем «синтаксической единицей является не слово, а сочетание слов» (§ 438). Отсюда можно было бы заключить, что *j'aime*, не являющееся сочетанием слов, не относится также и к числу синтаксических единиц, хотя, отвечая формуле AZ, *j'aime* соответствует синтагме. Значит, синтагма, при том ее определении, которое дано Ш. Балли, выступает в синтаксическом построении только тогда, когда та же формула AZ передается сочетанием слов.

В первой части своего труда, посвященной основам общего языкознания, Ш. Балли уделяет значительное место характеристике бинарной синтагмы. Отмечая обязательную двучленность элементов высказывания и именуя их бинарной синтагмой, Ш. Балли прослеживает особенности этих двух элементов в их совокупности и каждого в отдельности в соответствующих конструктивных типах предложений, передающих оба элемента или только один из них. Ш. Балли исследует расширение и сжатие различных типов предложений, в частности переход моноремы в более сложное построение предложения. В связи с этим из области синтаксиса берутся лишь приемы сочетания предложений путем сочинения (соединение предложений, из которых одно передает субъект, а другое — предикат), сегментации (образование одного предложения из двух сочиненных) и сращения (полное объединение грамматически передаваемых субъекта и предиката). Эти три приема используются как по отношению к диремам,

так и к моноремам (§ 61 и сл.). Выделяя их как типичные конструкции предложения, Ш. Балли в то же время не останавливается более детально на тех различных группировках сочетаемых слов, которые выступают в этих конструкциях предложений и которыми передаются соответствующие синтагмы.

Противопоставление дирем моноремам недостаточно для характеристики синтаксических единиц, образуемых сочетанием слов. Диремы и моноремы являются признаком двусоставности и односоставности самого предложения, а не синтаксических построений отдельных его членов. Между тем бинарная синтагма выступает не в одних только главных членах предложения. Монорема, равным образом, может быть выражена также и сочетанием слов, когда ее член синтагматизируется, передавая атрибутивные отношения. В самом составе предложения получают свои синтаксические группировки, объединяющие сочетанием слов как весь осто́в предложения, так и отдельные его членения, что подтверждает и Ш. Балли, противопоставляя полную синтагму частичной (§ 161).

*

Закончив с обзором высказываний Ш. Балли, имеющих отношение к сочетаемым словам в предложении, остановимся специально на грамматических построениях синтаксических групп, положенных в основу настоящего сообщения. Этими группами передаются в двучленных грамматических формах сочетаемых слов предикативные, атрибутивные и объектные отношения. Можно выделить соответствующие синтаксические группировки: предикативные с полным содержанием целого предложения (ср. полные синтагмы у Ш. Балли), атрибутивные и объектные, выступающие в составе предложения (ср. частичные или редуцированные синтагмы). Эти синтаксические группы находятся во взаимоотношениях друг с другом. Члены предикативной группы могут синтагматизироваться, образуя атрибутивные и объектные группы, входящие в состав предикативной. Члены объектной группы могут образовывать при себе атрибутивную.

Предикативная синтаксическая группа передает субъектно-предикативные отношения двумя членами предложения — подлежащим и сказуемым. Данная синтаксическая группа, как и всякая другая, двучленна и по содержанию передаваемых отношений, и по их грамматическому выражению. При этом подлежащее включает в себе субъект высказывания, а сказуемое совпадает с его предикатом. Эти два члена предложения могут обраться своими признаками, образуя атрибутивную группу подлежащего и атрибутивную группу сказуемого, а также объектную. Предикативная синтаксическая группа соответствует содержанию целого предложения. Передавая оба его члена, она также совпадает с диремой (двучленным предложением). Выражая подлежащим и сказуемым субъект и предикат, она двучленна, как и передаваемые ею отношения, но те же два элемента этой группы могут сосредоточиваться и в одночленном предложении (в монореме).

Привожу несколько примеров, уточняющих положение предикативной синтаксической группы, ее отношения к другим синтаксическим группам и к передаваемым ими бинарным элементам высказывания.

Молния сверкнула — предикативная синтаксическая группа с подлежащим и сказуемым, передающими субъект и предикат высказывания. По своему грамматическому построению эта группа соответствует строю двучленного предложения (диреме).

Молния ярко сверкнула — та же синтаксическая группа с атрибутивной в составе сказуемого.

Дачник видит ярко сверкнувшую молнию — такая же синтаксическая группа с объектной в составе сказуемого и атрибутивной при объекте.

Дачник видел, как ярко сверкнула молния — две синтаксические предикативные группы; из них последняя получает значение объекта при переходном глаголе первой. Союз *как*, оттеняемый предшествующей паузой и интонацией, усиливает степень яркости, т. е. признака в атрибутивной группе сказуемого.

Как ярко сверкнула молния! — предикативная синтаксическая группа с атрибутивной в составе сказуемого. По построению она, как и в предыдущих примерах, соответствует диреме и передает предикативные отношения, в которые включаются атрибутивные.

Как ярко сверкнула! — одна атрибутивная группа сказуемого передает те же предикативные отношения. Субъект не выражен соответствующим членом предложения, но имеется в виду говорящим лицом. Выступает одночленная монорема (один член предложения, сказуемое с его признаком). Она передает то же содержание, что и синтаксическая предикативная группа.

В таком же положении находится атрибутивная синтаксическая группа. Она, равным образом, двучленна. Составляющие ее два члена (определение и определяемое) находятся в тех же отношениях взаимной зависимости, но они получают не предикативное, а атрибутивное содержание, что и отражается на занимаемой ими позиции в общей группировке слов предложения. В то время как предикативная группа передает субъектно-предикативные отношения, лежащие в основу всего предложения, атрибутивная группа образуется у одного из его членов и включается вместе с ним в состав предложения. Как замечает Ш. Балли, «всякий член предложения может быть синтагматизирован путем прибавления к нему определяющего, что не вносит никакого изменения в грамматическое значение этого члена» (§ 161)

Здесь в синтаксическую группу разворачивается не само предложение, образующее предикативную группу, а один из ее членов. В таком синтагматизируемом виде член предложения сохраняет свое прежнее значение. При нем образуется своя синтаксическая группа, которая включается в состав предложения вместе с ее ведущим членом. Определяющее при этом остается в тесной связи с определяемым им словом, как два элемента одного синтаксического целого. В таком развернутом, но все же едином члене предложения ведущее значение сохраняется за определяемым. Присоединяемый к нему признак уточняет его и в то же время сам обуславливается его содержанием настолько, что выступает в его же синтаксическом положении, когда само определяемое слово опускается; ср. *Сильные позиции благоприятны для выполнения фонемой ее функции, а слабые неблагоприятны*. Слово *позиции* синтагматизировано словом *сильные*. Подлежащим здесь выступает его атрибутивная группа, состоящая из определяемого и его определения, тогда как слово *слабые* вышло из состава такой же группы, но сохранило ее содержание. Тем самым это слово оказалось в грамматическом построении не определением, а самим подлежащим. Следовательно, определения и обстоятельства относятся не к членам предложения, а к членам синтаксической группы, получающим в ней зависимое положение.

В более сложном положении, чем показатели атрибутивных отношений, оказываются прямые дополнения, но и они, равным образом, подчиняются тем же принципам взаимной обусловленности. Косвенные дополнения с их обстоятельственным значением входят в состав атрибутивных группировок, связанных со сказуемым. Некоторое своеобразие представляет и прямое дополнение: оно оказывается определяющим членом объектной

группы, ведущим членом которой выступает переходный глагол. По утверждениям Ш. Балли, «не может быть переходного глагола без объектного дополнения и, наоборот, объектного дополнения без переходного глагола» (§ 155). Значит, и тут выступает та же бинарная схема. Переходный по своей семантике глагол сохраняет свое полное содержание только в двучленном построении.

Такое положение объектной группы наиболее ясно выступает в построениях эргативного предложения. Наличие в нем объектной группы и ее отсутствие при глаголе одной и той же основы отражается на падеже подлежащего, различаемого по переходности и непереходности действия. Например, в кабардинском: = *цIалэм тхылгыр йытхац* «Юноша письмо написал»; *цIалэр тхац* «Юноша писал». В первом из этих предложений стоит прямое дополнение *тхылгы-р* (в падеже на *-р*), включаемое в одну синтаксическую группу с глаголом *йы-тхац*, имеющим субъектный префикс 3-го лица *-йы*, которым он согласуется с подлежащим *цIалэ-м* (в падеже на *-м*). Здесь имеется предикативная группа, в которую входит объектная, отделяющая комплекс сказуемого от подлежащего: *цIалэ-м/тхылгы-р йы-тхац* «Юноша/ письмо написал». Во втором предложении объектная группа отсутствует и остается одна предикативная с глаголом, лишенным субъектной префиксации, и с подлежащим в падеже на *-р*: *цIалэр тхац* «Юноша писал». Получается предикативная группа непереходного действия с его падежом подлежащего; ср. *цIалэр жэйац* «Юноша спал». Здесь в падеже на *-р* ставится именная часть синтаксической группы (в первом примере объектной, а в других — предикативной в связи с отсутствием объектной).

Наличие прямого дополнения в эргативном строе предложения отражается на всем его построении. Это послужило основанием Н. Ф. Яковлеву, А. С. Чикобава и автору настоящей статьи для отнесения прямого дополнения к числу главных членов предложения наряду с подлежащим и сказуемым. Если подходить к строю предложения, учитывая выступающую в нем синтаксическую группировку слов, то в наше прежнее высказывание придется внести значительные уточнения. Взаимоотношения, устанавливаемые между переходным глаголом и связанным с ним объектом, прослеживаются во всех языках, но в эргативном строе предложения, при различных падежах подлежащего, объектная группа приобретает особое значение, так как в связи с нею подлежащее ставится не в именительном, а в одном из косвенных падежей или в специальном активном.

В основу кладется не прямое дополнение, а та непосредственная связь с именем, которая характерна для глагола. В объектной группе он входит в одну синтаксическую единицу с прямым дополнением; предикативные отношения между такой синтаксической группой и подлежащим устанавливаются особой грамматической формой подлежащего и соответствующим оформлением глагола (в приведенном примере из кабардинского языка — субъектным префиксом). При отсутствии прямого дополнения глагол лишается содержания объектной группы и входит сам в непосредственные взаимоотношения с подлежащим, т. е. в те же, как и с прямым дополнением в объектной группе. При отсутствии объектной группы глагол утрачивает значение переходности. В итоге падеж прямого дополнения и падеж подлежащего безобъектного действия совпадают. В таком же положении выступает именительный падеж в других языках с эргативной конструкцией предложения. В этих языках как прямое дополнение, так и подлежащее при непереходной форме глагола оформляются одинаково.

В упомянутых построениях эргативного предложения с полной отчетливостью выступает та бинарность содержания синтаксической группы, о которой говорит Ш. Балли. Слово, выражающее предмет, на который

направлено действие, сочетается с переходным глаголом. Следовательно, объект, наличный при непереходной форме глагола, не выступает в качестве объектного (прямого) дополнения.

Подтверждением сделанного вывода могут служить материалы языков, использующих инкорпорирование при эргативной конструкции предложения¹; ср. чукот. *Гым торвыпэлэлягак эмнун'кы* «Я нарты оставил в тундре». Здесь имеется объект *орвыт* «нарты», но он сливается с глаголом *пэля* «оставлять», стоящим в прошедшем времени с показателями субъекта в префиксе и суффиксе: *Гым т-орвыпэлэ-гак* «Я нарты оставил» (показатели субъекта 1-го лица ед. числа *т-гак*); ср. *Мури мыт-орвыпэлэ-мык* «Мы нарты оставили» (показатели субъекта 1-го лица мн. числа *мыт-мык*). Функция объекта в этих построениях не соответствует той, которая выполняется прямым дополнением. Тут выступает не предмет, на который направлено действие, а предмет, который характеризует совершаемое действие, передаваемое непереходной глагольной формой с ее субъектным строем спряжения.

В таких инкорпорированных построениях объект получает атрибутивное содержание и включается в одну атрибутивную (обстоятельную) группу с глаголом, не изменяясь по числам (так, в приведенных выше примерах речь идет о действии, связанном с нартами вообще, а не с конкретной нартой). Эта группа входит в состав сказуемого. Во всем предложении выступает предикативная группа с подлежащим, стоящим в именительном падеже (*гым* «я», *мури* «мы»), и комплексом сказуемого, в котором глагол согласуется с подлежащим своими субъектными префиксом и суффиксом (непереходная форма). Прямого дополнения здесь нет, так как объект, получив атрибутивное содержание признака, сливается с глаголом. Нет, следовательно, и отдельной объектной группы.

Когда объект в том же чукотском языке не включается в инкорпорирование, строй предложения меняется: *Гымнан тыпэлэнат орвыт эмнун'кы* «Я оставил нарты в тундре». Объект занимает место прямого дополнения, ставится в именительном падеже (*орвыт* «нарты») и, образуя объектную группу, согласуется с глаголом своим падежным окончанием и объектным глагольным суффиксом, передающим также число объекта (*-нат*). Объект *орвыт* стоит во множественном числе [ср. с тем же прямым дополнением в ед. числе (*оргоор* «нарта»): *Гымнан тыпэлэган оргоор эмнун'кы* «Я оставил нарту в тундре»]. Выступающая тут объектная группа сказуемого сочетается с подлежащим при помощи субъектного глагольного префикса *ты-* (*ты-пэля-нат*, *ты-пэля-ган*). Получается субъектно-объектное спряжение глагола: «я-оставил-их, я-оставил-его». Подлежащее стоит в эргативном творительном падеже (*гым-нан*), противопоставляя переходное действие непереходному. При непереходной форме глагола объект получает атрибутивное содержание. При переходной глагольной форме объект выделяется, вступая в связь с глаголом и образуя объектную группу сказуемого. Тем самым объектная группа противопоставляется атрибутивной. Последняя образуется при любом члене предложения и даже члене синтаксической группы, тогда как объектная встречается только при сказуемом переходного действия.

Особое положение прямого дополнения выступает также и в языках с номинативным строем предложения, в которых подлежащее ставится в одном и том же именительном падеже как при переходных, так и непереходных глаголах. Объектная группа выделяется тут особой грамматической формой прямого дополнения (винительный падеж) и неотделимостью его от глагола. Такая тесная связь прямого дополнения с переходным гла-

¹ Пользуюсь здесь примерами П. Я. Скорика и П. И. Инэликей.

голом выступает также и тогда, когда в языках с таким же номинативным строем предложения именительный падеж совпадает с винительным; ср. франц. *Paul — bat Pierre* (пример взят у Ш. Балли).

Имеются языки, в которых при едином именительном падеже подлежащего прямой объект получает разное падежное оформление. Здесь его отношения к глаголу имеют свои варианты, оттеняющие более самостоятельное положение объекта или более тесную его связь с глаголом в пределах той же объектной группы. Тем самым уточняется содержание объектных группировок. Например, в самодийских и тюркских языках объект или примыкает к глаголу неоформленной падежом основой, или ставится в винительном падеже [ср. узб. *Ўқучи китоб ўқийди* «Ученик читает книгу (читает книги)» и *Ўқучи бу китобни ўқийди* «Ученик эту книгу читает»].

В последнем примере имеется объектная группа сказуемого, в состав которой включена атрибутивная при прямом дополнении (*бу китобни* «эту книгу»). Объект, предваряемый признаком, придающим ему определенное значение, ставится всегда в винительном падеже (*китобни*). Но в этом же падеже может стоять прямое дополнение и без сопровождающего признака. Само падежное окончание уже выражает определенность предмета (именно книгу). Тут, равным образом, выступает объектная группа с глаголом и тем же винительным падежом прямого дополнения (*китобни ўқийди* «книгу читает»); ср. синтаксические группировки в развернутом предложении, образующем одну предикативную группу с тремя атрибутивными, входящими в нее: *Ёш ўқучи / бу китобни / яхши ўқийди* «Молодой ученик / эту книгу / хорошо читает». Две последние образуют синтаксическую группу сказуемого при одной атрибутивной группе подлежащего. Их совокупность образует предикативную группу.

В первом из приведенных выше примеров объект занимает иное положение: *ўқучи / китоб ўқийди* «Ученик / книгу читает». В синтаксической группе, развернутой при сказуемом, к глаголу примыкает неопределенный объект, стоящий в основном падеже (абсолютном), совпадающем с основой имени (*китоб* «книга» с ее общим, абстрактным содержанием); ср. *ўқучи / бир китоб ўқийди* «Ученик / одну (какую-то) книгу читает». Здесь к глаголу примыкает объект вместе со своим «признаком», но вместо признака выступает неопределенный член, в связи с чем примыкающий объект продолжает оставаться неуточненным. Все же он уточняет собою описываемое действие («занимается чтением книги»). Этим примыкаемый объект, до известной степени, сближается по своему содержанию с приведенным выше инкорпорированным объектом в составе сказуемого.

В тех языках, в которых прямое дополнение всегда выступает в форме винительного падежа, объектная группа ясно выделяется в своем двучленном составе. Оба ее члена оказываются тесно связанными. В русском языке переходное действие требует наличия прямого дополнения: *Юноша / писал письмо*. Отсутствие объектной группы придает тому же глаголу содержание состояния: *Юноша писал* («был занят писанием»); ср. *Юноша спал*. Тем самым уточняется значение объектной синтаксической группы, связанной с двучленностью переходного действия. Переходный глагол требует наличия прямого дополнения, и, наоборот, прямое дополнение сочетается только с переходным глаголом. Последний, при отсутствии прямого дополнения, утрачивает полностью своего содержания. Получается взаимная обусловленность членов синтаксического построения.

Такая взаимная обусловленность членов синтаксической группы выступает в ином положении, когда вместо прямого дополнения с глаголом сочетается косвенное, не получающее атрибутивного содержания обстоятельного слова. Косвенное дополнение с атрибутивным содержанием может быть включено в общую серию атрибутивных группировок, поскольку

ку такое дополнение выступает с функцией определяющего члена. Но когда косвенное дополнение подобной функции не выполняет, оно занимает в своих соотношениях с глаголом особое место. Такое косвенное дополнение, управляемое глаголом, включается в одну с ним синтаксическую группу, но входит с ним в другие отношения, чем прямое дополнение (последнее соединяется с переходным глаголом двучленностью своей главной связи).

Косвенное дополнение не находится в такой же тесной связи с глаголом. На семантике глагола не отражается отсутствие косвенного дополнения, тогда как грамматическая форма последнего управляется глаголом. Устанавливаемое между ними отношения остаются односторонними; ср.: *Он читал книгу* (предикативная группа с включением в нее объектной), *Он читал* (одна предикативная группа, в которой глагол, лишенный прямого дополнения, сочетается только с подлежащим); *Он читал сестре* (та же группа с косвенным дополнением при глаголе; это дополнение указывает на направленность действия). Получившуюся тут группировку глагола с косвенным объектом, в отличие от группировки с прямым дополнением, можно было бы, используя терминологию Ш. Балли, назвать «редуцированной» (редуцированная объектная группа).

Эта синтаксическая группа выступает, когда косвенное дополнение сочетается с глаголом, при котором нет прямого дополнения. При его наличии косвенное дополнение включается в состав объектной группы без изменения своего содержания, отличающего его от атрибутивного; ср. *Он читал книгу своей сестры* (предикативная группа с объектной, в состав которой вошла атрибутивная *книгу своей сестры*), *Он читал книгу своей сестре* (в объектную группу с прямым дополнением включилась атрибутивная при косвенном дополнении *своей сестре*). Переходность действия передается переходным глаголом с прямым дополнением. Это переходное действие уточняется косвенным дополнением, отмечающим, для кого или чем оно выполняется. Отсутствие прямого дополнения ставит косвенное в непосредственную связь с глаголом: *Он читал сестре*, *Он писал пером* (редуцированная объектная группа в составе предикативной).

Выделяются, таким образом, синтаксические группы: п р е д и к а т и в н а я , а т р и б у т и в н а я (с определяющим членом, выражаемым определением и обстоятельством), о б ъ е к т н а я (с прямым и косвенным дополнениями). В предложении, передаваемом предикативной группой, остальные две с их разновидностями распределяются по ее главным членам, образуя синтаксические группировки, связанные с подлежащим и со сказуемым; ср. *Брат отца быстро писал своей племяннице длинную записку хорошо отточенным карандашом* (предикативная группа с атрибутивной в составе подлежащего и с объектной в сказуемом; в эту группу вошли атрибутивные группы при глаголе, при прямом дополнении и при двух косвенных). Оканчивая на этом разбор различных построений синтаксических групп, позволю себе сделать по ним некоторые выводы.

*

Выделяемые мною синтаксические группы рассматриваются как д в у ч л е н н ы е построения, передающие предикативные, атрибутивные и объектные отношения. Первая из них по своему содержанию соответствует предложению. Вторая и третья представляют собой двучленные по своему составу части предложения. Такие синтаксические группы оказываются двучленными и по содержанию указанных отношений, и по их грамматической передаче. Так, субъектно-предикативные отношения получают свое выражение в главных членах предложения, в подлежащем и сказуемом.

В атрибутивных группах атрибуту и определяемому отвечают определение и определяемое. В объектных — переходное действие и объект передаются переходным глаголом и прямым дополнением, образующими вместе одну объектную группу сказуемого.

Те отношения, которые являются основой предикативной синтаксической группы, выступают в парных сочетаниях элементов высказывания, отмечаемых Ш. Балли (субъект и предикат). Для их выражения в строе предложения используются его грамматические категории (подлежащее и сказуемое). Между последними и первыми устанавливается определенная связь. Субъект и предикат не тождественны подлежащему и сказуемому, хотя последние и являются выразителями субъекта и предиката в грамматическом построении предложения. Субъект может быть передан и вне подлежащего. Следовательно, субъект и подлежащее не отождествляются, а сопоставляются. Субъект содержит понятие, являющееся основой высказывания; в подлежащем это понятие получает свое грамматическое выражение. Отсюда можно прийти к выводу, что синтаксическая группа, двучленная по содержанию упомянутых выше элементов высказывания, также двучленна по их передаче в грамматических построениях сочетаемых слов.

Когда Ш. Балли постулирует двучленность высказывания, он имеет в виду не само синтаксическое построение, а те понятия («тома» и «повод»), которые ложатся в его основу. Само высказывание, как указывает Ш. Балли, может выступать и в одночленном составе предложения. Подлежащее может в нем отсутствовать, но наличие субъектно-предикативных отношений обязательно. Предложения бывают по их синтаксическому построению двучленными и одночленными, но и теми и другими передаются имеющиеся в высказывании всегда двучленные отношения. Субъект высказывания связан с предикатом («тема» с «поводом») так же, как атрибут с определяемым, переходное действие с объектом. Они, как говорит Ш. Балли, бинарны.

Такая бинарность относится к указываемым Ш. Балли элементам высказывания, которые выступают как в двучленных синтаксических построениях, так и в одночленных. За такими бинарными элементами высказывания можно было бы закрепить термин «б и н а р м а», в отличие от с п и т а к с и ч е с к о й г р у п п ы, передающей ее посредством двух лексических единиц. Эти две различаемые мною категории (понятийная и грамматическая), т. е. указанные выше элементы высказывания (субъект, предикат и т. д.) и передающие их грамматические единицы, рассматриваются в данной статье везде в их взаимоотношениях.

В такие бинармы включаются субъект и предикат, признак при определяемом, объект при переходном действии. Одни и те же предикативные отношения сохраняются как в двучленных предложениях с грамматической передачей субъекта и предиката подлежащим и сказуемым, так и в одночленных предложениях с грамматической передачей только одного из них. Грамматические построения предложения выделяются особенностями своей собственной структуры. Последняя, при сравнении ее с бинармами, сопоставляется с ними как грамматическая форма с вложенным в нее содержанием предикативных отношений.

Для обозначения этих грамматических построений можно воспользоваться вводными А. Сэнсеэ и повторяемыми Ш. Балли терминами «дирема» (двучленное грамматическое построение) и «монорема» (одночленное грамматическое построение); ср. *Дождь идет* — дирема, в которой субъект и предикат передаются соответствующими членами предложения. Тут выступает двучленная дирема (грамматическая единица) и двучленная бинарма (единица высказывания), что и составляет синтаксическую группу.

Ср. те же слова, употребленные отдельно с особой интонацией: *Дождь! Идет!* — моноремы. Синтаксическая группа отсутствует, так как имеется лишь один не синтагматизированный член предложения, содержание же бинармы остается тем же.

В первом примере опущено сказуемое, констатирующее действие обозначенного тут субъекта («дождя»), во втором передается действие без упоминания самого субъекта. В таких одночленных предложениях содержится законченное высказывание, в котором выступает всегда двучленная бинарма. Недостающие грамматически оформленные члены предложения (в одном случае предикат, а в другом субъект) восполняются интонацией и наличием самого утверждаемого факта, имеющегося в виду говорящим лицом. Поэтому субъектно-предикативные отношения выступают полностью в обоих примерах, так же как и в приведенной димре.

Еще А. А. Потебня указывал на то, что «грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением. Названия двух членов последнего (подлежащее и сказуемое) одинаково с названием двух из членов предложения, но значения этих названий в грамматике и логике различны. Термины „подлежащее“, „сказуемое“ добыты из наблюдения над словесным предложением»¹. О таком же их совпадении с психологическими субъектом и предикатом говорит и Ш. Балли (§ 105). Основываясь на этих высказываниях и развивая их, можно прийти к выводу, что не только подлежащее и сказуемое, но и такие используемые здесь нами термины, как субъект и предикат, передают чисто языковые понятия. Они устанавливаются анализом грамматического строя, содержания выступающих в нем языковых единиц, а также способов передачи существующих между ними отношений.

Выступающие в грамматическом построении субъект и предикат не тождественны ни с психологическими субъектом и предикатом, ни с выделяемыми в грамматике подлежащим и сказуемым. Разберем несколько подробнее содержание терминов «субъект», «предикат», «подлежащее» и «сказуемое». Под подлежащим разумеется субъект, переданный отдельным членом предложения. Здесь языковая понятийная категория сопоставляется с грамматической категорией. Субъект и предикат — члены предикативной бинармы, состоящей из этих двух языковых элементов (языковых понятийных категорий); подлежащее и сказуемое — главные члены предложения (языковые грамматические категории).

То, что субъект и предикат, в таком их понимании, являются языковыми единицами, подтверждается также и тем, что они выступают в членах предикативных синтаксических групп, передающих взаимоотношения между этими двумя единицами. В таких же взаимоотношениях находятся и члены атрибутивной группы, т. е. двусоставной синтаксической единицы. В ней атрибут передает отношения между определяющим и определяемым, совпадающими в этом смысле с положением, которое занимают в строе предложения определение и определяемое. Но поскольку атрибут (определятель) входит в состав атрибутивной бинармы и выступает членом соответствующей синтаксической двусоставной группировки, постольку и определение, так же как и обстоятельство, выступает не самостоятельным членом предложения, а членом названной синтаксической группы.

«Целью сообщения, — говорит Ш. Балли, — может быть чувство восхищения, но это восхищение должно иметь свою причину; недостаточно сказать „великолепно!“, нужно, чтобы знали, что именно находят великодушным» (§ 61). Тут выступает бинарма. Передаваемая в строе речи опре-

¹ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I, Воронеж, 1874, стр. 80—81.

деленным синтаксическим построением, она может выступать в своем полном составе; ср. *Она великолепно поет*. Бинарма может выступать и в виде одного предиката, состоящего из атрибутивной группы: *Великолепно поет*. Она может выступать также одним атрибутом: *Великолепно!* Атрибут, восполняемый здесь интонацией и соответствующей обстановкой, замещает всю атрибутивную группу сказуемого, которое, в этом его виде, передает содержание всей предикативной группы. В итоге *Великолепно!* оказывается законченным высказыванием, т. е. предложением, но перестает быть синтаксической группой.

Синтаксические группы передают двучленные отношения (предикативные, атрибутивные и объектные). По способу передачи этих отношений они тоже двучленны. В них используются сочетания слов, вступающих в устанавливаемые взаимоотношения. Подлежащее без сказуемого и, наоборот, сказуемое без подлежащего не образуют предикативной синтаксической группы. Такая же двучленность сочетаемых слов имеется также в атрибутивных и объектных синтаксических группах. Передавая атрибутивные и объектные отношения, они выступают в сочетаниях определения с определяемым, переходного глагола с прямым дополнением. Выпадение одного из этих членов нарушает цельность синтаксической группы. Для нее требуется двучленность в лексическом составе и наличие бинармы, всегда двучленной.

Бинармой передаются те отношения, которые существуют между субъектом и предикатом, между признаком и определяемым словом, между переходным действием и предметом его направленности. Эти отношения бинарны по составу понятий, положенных в их основу. Такие парные понятия, объединяемые бинармой, выступают в качестве элементов передаваемых отношений, получающих различное грамматическое выражение в строении предложения. Следовательно, под бинармой понимается содержание отношений предикативных, атрибутивных и объектных. Они не могут рассматриваться оторванно от их формального выражения в синтаксических построениях, по которым они и устанавливаются. Это обуславливает отнесение их также к числу языковых категорий. Выступая в сочетаниях слов, они образуют синтаксические группы.

Такие синтаксические группы соответствовали бы тем, которые Ш. Балли именует синтагмами, если бы последние не отождествлялись им с упомянутыми выше элементами бинарных отношений, а рассматривались бы как их выразители в грамматических построениях сочетаемых слов. Нам кажется, что за указанными синтаксическими построениями необходимо сохранить наименование «синтаксической группы», поскольку под ними понимаются сочетания слов, соединяемых между собой теми отношениями, с которыми они выступают в предложении, образуя в нем одну двучленную или многочленную синтаксическую единицу. В настоящем обзоре мы останавливаемся специально лишь на тех отношениях, которые обуславливают собой синтаксические конструкции и образуют в них различного вида синтаксические группировки слов. В основу этих группировок ложится функциональное назначение, выполняемое грамматической формой в соответствующих синтаксических построениях. В них сочетаниями слов передаются отношения между этими, используемыми синтаксисом, лексическими единицами. Функцией выступает выражение указанных отношений, ее грамматической формой оказывается синтаксическая группа.

Тем самым оправдывается более детальное рассмотрение синтаксических построений, назначением которых является выражение в грамматической форме отношений, которые положены в основу всей конструкции предложения. Такими передатчиками соответствующих отношений, при использовании в предложении сочетания слов, являются синтаксиче-

ские группы. На них мы и останавливаемся. Мы рассматриваем не различные выражения бинарных элементов высказывания, именуемых Ш. Балли «синтагмой», а виды синтаксических конструкций, функцией которых является передача бинарных отношений сочетаемыми словами. Основной структуры предложения являются предикативные отношения. В составе предложения слова группируются по атрибутивным и объектным отношениям. Предикативная синтаксическая группа соответствует диреме с ее законченным содержанием. Атрибутивная и объектная группы, образуясь внутри такой диремы, того же законченного содержания не имеют, но они же выступают и в мовореме, когда такое одночленное предложение составляется из сочетаемых слов.

Ф. Ф. Фортунатов называет такие синтаксические группы словосочетаниями, разделяя их на законченные и незаконченные, что соответствует предикативным и атрибутивным группировкам¹. Наименования их словосочетаниями сохраняются и в изданной Академией наук СССР «Грамматике русского языка»². Проводимое здесь приравнивание синтаксических групп к словосочетаниям представляется недостаточным для их характеристики, так как оно не дает точного определения тех функций, которые выполняются синтаксической группой. Под последней разумеется не всякое сочетание слов, а лишь такое, которым передаются упомянутые выше бинарные отношения, тогда как под словосочетания подойдут также фразеологические единицы и даже лексические.

Более подходящим наименованием рассматриваемых нами синтаксических группировок была бы синтагма, которая по внутренней форме самого термина связывается с синтаксисом. Но широко используемый в научной литературе термин «синтагма» получает в ней самое различное содержание, причем придаваемое синтагме значение не везде ограничивается одной синтаксической единицей и не всегда соответствует группировке сочетаемых слов.

И. А. Бодуэн де Куртене придает синтагме содержание синтаксической единицы, но связывает ее с различным положением слова. Он противопоставляет слово в его синтаксической позиции отдельно взятому слову как обособленной лексической единице. Последнее он называет лексемой, а первое синтагмой.

Равным образом и Л. В. Щерба в своей работе «О частях речи в русском языке» именуется синтагмой «простейшее синтаксическое целое»³. Но он же в «Фонетике французского языка», учитывая высказывания М. Граммона и П. Пасси, определяет синтагмы, исходя из их фонетических особенностей. Л. В. Щерба выделяет ритмические группы, синтагмы и фразы. Синтагмой он называет «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их»⁴.

В. В. Виноградов определяет синтагму как семантико-синтаксическую единицу речи, отражающую «кусочек действительности», наполненную живой экспрессией и интонацией данного сообщения⁵. Такая синтагма «ни по объему, ни по составу, ни по функциональному употреблению в речи может не совпадать с словосочетанием»⁶. Ср. приводимый пример: «пред-

¹ Ф. Ф. Фортунатов, Избр. труды, т. I, М., 1956, стр. 182—183.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 10.

³ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, II, Л., 1928, стр. 22.

⁴ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 5-е изд., М., 1955, стр. 86—87.

⁵ В. В. Виноградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», под ред. акад. В. В. Виноградова, М., 1950, стр. 253.

⁶ Там же, стр. 255.

ложение *усталая, она нуждалась в отдыхе* представляет собою сочетание двух синтагм: *усталая, она нуждалась в отдыхе*. Синтагма *усталая*, выдвинутая на первое место, приобретает особенный экспрессивный вес¹.

На синтагме специально останавливается и Ф. де Соссюр, придавая ей более широкое значение. К синтагмам он относит сочетание двух или нескольких элементов языка, противопоставляемых друг другу². Такой подход к синтагме он обуславливает тем, что «материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которой она облечена... И обратно... смысл, функция существует лишь благодаря наличию какой-то материальной формы». Формулируя эти положения, Ф. де Соссюр имеет в виду распространенные синтагмы, синтаксические типы, так как «есть тенденция рассматривать их как нематериальные абстракции, парящие над элементами фразы»³.

Столь же широкое значение придает синтагме и А. А. Реформатский⁴. К синтагмам он относит «сочетание двух членов, связанных тем или иным подчинительным отношением». Такими членами-синтагмами он считает сочетание как слов (внешняя синтагма), так и морфологических частей слова, например *дом-ик*, где *дом-* выступает определяемым, а суффикс *-ик* определяющим (внутренняя синтагма). Тут же упоминаются одночленные предложения, состоящие из одного слова (скрытые синтагмы), а также лексикализованные выражения и отдельные случаи, когда в качестве синтагмы выступают сложные предложения, члены которых имеют свою предикацию.

Даваемое Ш. Балли определение синтагмы, ограниченное выражением предикативных и атрибутивных отношений, приведено выше. Синтагматические отношения усматриваются Ш. Балли также и в имплицитном построении синтагмы, даже в грамматическом оформлении слова (§§ 157, 301). О синтагматических отношениях упоминается и в тезисах Пражского лингвистического кружка. В них говорится о свободном сочетании слов, возводимом к синтагматической деятельности, причем указывается, что «эта деятельность проявляется иногда и в форме отдельного слова»⁵.

Синтагма не получила в научной литературе устойчивого содержания. Она отождествляется не только с синтаксическими группировками слов, передающих предикативные и атрибутивные отношения, но и с ритмическими группами. Она же получает наименование «словосочетания», имеющего не одно только синтаксическое значение. К синтагмам отнесены также всякого рода сочетания противоположных единиц, в число которых лишь частично включаются синтаксические построения. Такое разнообразие содержания, придаваемого синтагме, затрудняет использование данного термина для обозначения выделяемых в предложении синтаксически группируемых слов.

Ж. Вандриес, выдвигая типологические сравнения разносистемных языков, ставит целью выявление на их основе наиболее существенных языковых категорий, оказывающихся общими для всех языков⁶. В число таких общеязыковых категорий включаются отмеченные синтагматические отно-

¹ В. В. Випоградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, стр. 256.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, [перевод с франц.], Н., 1933, ч. II, гл. V, стр. 121—123.

³ Там же, гл. VIII, стр. 133.

⁴ А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 252—259.

⁵ См. Thèses, Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1, 1929, стр. стр. 13.

⁶ J. Vendryes, La comparaison en linguistique, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLII, (1942—1945), fasc. 1, 1946, стр. 1—18. Критические замечания об этой статье Ж. Вандриеса даны Л. Ельмслевом в «Acta linguistica» (vol. IV, fasc. 3, 1944 [отпечатано в 1948 г.], стр. 144—147).

шения, занимающие ведущее место в строении предложения. Они получают в сопоставляемых языках различную грамматическую форму, но они же во всех языках выделяются общностью функционального назначения. Подобного рода общезыковые категории поддаются сравнению, если принять во внимание тождество выполняемой функции. В связи с этим обращают на себя внимание выдвигаемые Ш. Балли положения о синтагматических отношениях. Все же, усматривая в синтагме «продукт грамматического отношения взаимозависимости между двумя лексическими знаками, принадлежащими к двум дополняющим друг друга категориям» (§ 155), Ш. Балли относит к синтагмам также и композиты, типа франц. *pot-à-eau*, нем. *Wassertopf* (§ 141). Таким образом, и тут в синтагму включается лексическая единица («виртуальная синтагма»).

Определение синтагмы, которое дается Ш. Балли, не отступает от синтаксиса только тогда, когда в основу синтагмы он кладет содержание синтаксически передаваемых предикативных отношений, а также атрибутивных, образующих редуцированную синтагму. Материалом для выражения синтагмы служат лексические единицы и их грамматические формы, в число которых включается также и интонация с выражением живой экспрессии. Ср. *Великолепно!* (*усталая* в примере, приводимом В. В. Виноградовым). Такая синтагма, выступающая в качестве языковой категории, может быть передана одной лексической единицей и сочетанием их. Наиболее приемлемыми определениями синтагмы представляются мне те, которые даются в трудах Л. В. Щербы и В. В. Виноградова.

Синтаксическая группа и при таком понимании синтагмы займет свое особое положение как семантико-синтаксическая единица, передающая предикативные, атрибутивные и объектные отношения соответствующими сочетаниями слов.